

ЛЕКАРЬ ДЛЯ ПРОКЛЯТОГО ДРАКОНА

16+

«ОНА ПОЦЕЛОВАЛА РУКУ, УМОЛЯ НЕ ОБРЕКАТЬ ЕЕ НА СМЕРТЬ.
И ПРОКЛЯТЬЕ ОТСТУПИЛО. НО ЦЕНА ЛЕЧЕНИЯ УЖАСНА!»

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш
Лекарь для
проклятого дракона
Серия «Темные желания
(однотомники)», книга 6

<https://litres.ru/73197868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Целуй или сдохни в подвале среди крыс.

Я обычная медсестра.

Он жестокий герцог-дракон, чья рука покрыта чёрной тьмой,
а сердце похоронено вместе с сыном и женой.

Меня обвинили в убийстве младенца.

Бросили в подвал, где кишат бессмертные магические крысы.

Но в последний миг, когда я умоляла о пощаде, его перчатка
коснулась моих губ и проклятие дрогнуло.

Теперь я его личная целительница.

Единственная, чьи поцелуи высасывают тьму из его плоти
Но цена - огромная. Каждый раз для меня как последний.

Каждый взгляд шаг ближе к безумию.

Он всё чаще ловит себя на мысли: Она моя

А я ловлю себя на мысли, что сама хочу его спасти...

Но у герцога уже есть невеста:

ангельская, хрупкая, с золотистым светом в пальцах
и улыбкой, от которой хочется плакать.

В этом доме кто-то управляет разумом.

Кто-то заставляет слуг творить страшные вещи.

Мне предстоит побороть проклятие, выяснить, кто стоит за
всеми преступлениями и ... скрыть тайну, которая погубит наши
отношения.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5. ДРАКОН	26
Глава 6. ДРАКОН	30
Глава 7. ДРАКОН	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10. ДРАКОН	43
Глава 11. ДРАКОН	46
Глава 12. ДРАКОН	48
Глава 13. ДРАКОН	51
Глава 14. ДРАКОН	54
Глава 15. ДРАКОН	57
Глава 16. ДРАКОН	60
Глава 17	62
Глава 18	65
Глава 19	68
Глава 20	71
Глава 21	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кристина Юраш Лекарь для проклятого дракона

ПРОЛОГ

«– Целуй, – прошептал он, поднимая проклятую руку. – Или сдохни в подвале среди крыс».

Я не знала тогда, что этот поцелуй спасёт мне жизнь... и обречёт его на пытку желаний.

– О, боже! Что это?!

Я развернула сверток и не сдержала крика ужаса.

Внутри лежал новорожденный младенец. Совсем крошечный, сморщенный, покрытый инеем. Синие губы приоткрыты, будто он хотел прошептать «мама» – но застыл навеки.

На его шее – тонкая, злобная борозда от шнурка. Точная. Элегантная. Окончательная.

Он был мёртв.

Воздух вокруг стал плотным, как смола.

Я не кричала. Не могла. Из горла вырвался лишь хриплый, дикий звук – не мой, не человеческий. Пальцы дрожали, но не от холода. От того, что внутри меня что-то треснуло, как стекло под ударом.

Вокруг – только снег. Бескрайний, белый, безжалостный. И вдаль – поместье. Огромное, чёрное, с окнами, светящимися, как глаза хищника, что давно уже следит за добычей. Туда. Только туда. Может, ещё не поздно? Может, я успею?

Я – врач. Я знаю, что сердце может биться даже после смерти. Что иногда достаточно одного вдоха, одной искры... И иногда чудеса случаются!

– Чёрт... – прохрипела я, пытаюсь проглотить ком, который уже не был комом – он стал камнем, вросшим в горло. – Как я здесь оказалась?

То, что было до этого, я помнила обрывками. Дежурство. Обход. Запах кофе, горький и уютный. Холодный январский ветер, покалывающий щёки. Я выбежала за булочкой...

– Женщина! Осторожней! – донёсся голос, далёкий, будто сквозь воду.

Но я не поняла – осторожней перед чем?

Это он мне?

А потом удар и тьма.

Короткая, как взмах ресниц.

И когда я открыла глаза – вокруг был вечер и снег. В руках сверток. И эта пустота в голове, будто кто-то вынул мои мысли и заменил их чужими.

В голове зазвучал голос – мягкий, женский, почти ласковый, будто шёлковая петля на шее.

«Спрячь его, милая... Никто не должен знать... Отнеси его подальше...» – и я пошла. Вопреки своей воли. Потому

что эти слова знали, как звучать, чтобы тело перестало мне повиноваться.

Чужое дыхание наполняло мою грудь. Чужая воля решала за меня: этот ребёнок должен исчезнуть. А я... Я была лишь орудием для чужого преступления.

Я упрямо попыталась свернуть к дому. Но ноги...

Ноги пошли прочь, скрипя снегом.

Не потому, что я хотела. А потому, что что-то внутри заставило их двигаться. словно невидимая рука легла мне на плечо и мягко, но неумолимо направила вглубь какого-то парка.

“Иди!”, – шептал голос в голове, а я попыталась сопротивляться. Отогнать от себя этот зловещий шёпот.

С каждым шагом поместье отдалялось, а я не могла понять, что со мной происходит.

Такое чувство, будто моим телом кто-то управляет.

Словно кто-то дёргал невидимые нити, заставляя меня продолжать путь.

Вокруг только холод – ледяной, хрустящий под ногами, как разбитое стекло. Он пронизывал меня насквозь, заставляя дрожать.

Старая плешивая шуба, пахнущая сыростью и старостью, колола кожу. мех на воротнике замёрз от моего дыхания и превратился в иголки, царапающие мою щеку.

Я сопротивлялась. Собрала волю в кулак – и остановилась.

Но руки... Руки всё ещё прижимали свёрток к груди, будто это было единственное, что они помнили.

Тогда на меня обрушился шум. Голоса.

Резкие. Испуганные.

Меня схватили. Вырвали из моих рук младенца.

– О, боги... – прошептал старик в потрёпанной шубе, отгибая край ткани. Его лицо побледнело, как восковая маска, а глаза – расширились, будто вместо меня он увидел чудовище. – Как ты могла, Грейс?!

Его голос предательски дрогнул.

Грейс?

Это имя ничего мне не говорило. Но спорить не было сил. Я дрожала всем телом, как осиновый лист, зубы стучали, а в ушах – звон.

Меня грубо потащили к дому. Тепло обрушилось на меня вместе с ярким светом. В огромном зеркале в золотой раме мелькнуло незнакомое молодое лицо: бледное, испуганное, с тёмными кругами под глазами. Двадцать лет. Красивое. Не моё.

– Дайте! – закричала я, вырываясь. – Дайте его сюда! Может, я что-то сделаю!

Незнакомка в зеркале тянулась за свёртком и кричала.

– Ты уже сделала всё, что могла, Грейс, – хрипло сказал старик, глядя на меня так, будто я – последняя тварь.

– Что за шум? – раздался низкий, хриплый голос, и я резко подняла глаза.

Он не вошёл. Он вытеснил всё – свет, тепло, надежду.

Мужчина с длинными тёмными волосами. Очень высокий. В тёмной одежде.

Будто сама тьма сошла с неба и облачилась в человеческую форму.

Его присутствие давило на воздух, как гроза перед первым ударом молнии.

Он возвышался над нами в чёрном сюртуке с золотой вышивкой, похожей на чешую дракона. Волосы – тёмные, собраны в низкий хвост. Лицо – красивое, но жёсткое, с высокими скулами и волевым подбородком. Один глаз – золотой, тёплый, словно пламя свечи. Второй – серо-голубой, холодный, как утренний лёд на реке, с вертикальным зрачком, как у змеи или хищной птицы.

Я опустила взгляд на его руки.

Одна – в чёрной перчатке, другая – без перчатки, огромная, сильная, с проступающими венами под кожей.

Он не кричал. Не двигался резко. Но всё вокруг стало тяжелее, тише, темнее.

Когда он сделал шаг, воздух задрожал, будто от жара, что исходил от него самого.

– Дворецкий, – произнёс незнакомец, и в этом голосе не было ни гнева, ни боли – только лёд, под которым билось что-то древнее и опасное. – Отчитайся.

– Посмотрите, господин герцог! – задрожал дворецкий, пряча взгляд. – Служанка... она...

– Ой, что сейчас будет! – прошептала служанка, пряча лицо в ладонях. – Лучше бы подсвечник украла!

Герцог молча отогнул край ткани. Маленькое, посиневшее личико младенца отразилось в его глазах – и на миг маска дрогнула. В золотом зрачке мелькнул шок. В серо-голубом – боль. Такая глубокая, что я почувствовала её, как удар в собственную грудь. Будто это был его ребёнок. Потерянный. Убитый.

Брови сошлись. Губы сжались. И лицо снова окаменело – в маске презрения и плохо скрываемой ярости. Он прикрыл лицо младенца тканью – медленно, почти бережно. И в этот миг я увидела: не ненависть в его глазах. А боль. Такую глубокую, что мне захотелось... нет. Я отогнала эту мысль.

– Чей? – ледяным голосом спросил герцог, обводя взглядом всех присутствующих. От этого слова всё внутри сжалось. Не страх. Предчувствие конца.

– Предполагаю... Грейс, – дрожащим голосом ответил дворецкий, указывая на меня.

– Я не знаю, кто из вас Грейс, – холодно произнёс герцог, прикрывая лицо младенца. – Мне плевать, как вас зовут. Я не собираюсь запоминать ваши имена.

– А, простите, господин герцог! Горничная! Вот, её... – в меня ткнули пальцем.

– Твой? – Его взгляд пронзил меня. Не гнев. Не презрение. Ярость, облечённая в форму человека. Она напоминала чудовище, что веками терпело боль – и теперь готово сжечь

весь мир, лишь бы не чувствовать её снова.

Когда он шагнул ближе, дыхание перехватило. Не от ужаса. От странного, почти болезненного тепла, которое разлилось по груди, будто моё сердце узнало его раньше, чем мозг успел понять: это – опасность.

– Я не знаю... – прошептала я, пытаюсь собрать мысли. – Я просто... несла его. Я не помню... Ребёнку – несколько часов. Пуговина ещё... А я... если бы я родила, это было бы видно. По мне. По ощущениям... Роды бесследно не проходят...

– Хватит! – оборвал он. И в этом слове была не власть, а боль, обернувшаяся жестокостью. – Информации достаточно. Младенца – похоронить. Её – в подвал.

– Куда? – вырвалось у меня. Сердце забилося, как птица в клетке.

Из-за его плеча вышла она.

Молодая женщина. Белокурая, в пастельном платье, с лицом, бледным, как первый снег. Глаза – голубые, полные слёз. Губы – дрожащие. Она выглядела больной, измождённой, но прекрасной – как ангел, сошедший с небес, чтобы принести милосердие.

– Что случилось, Асманд? – прошептала она, глядя на свёрток и на нас. – Я слышала шум...

Асманд. Я невольно повторила это имя. Оно напоминало тонкое лезвие, завёрнутое в бархат.

Красавица держалась за край платья, будто боялась

упасть.

– Шарлин, дорогая. Лучше вернись в комнату, – настойчиво и неожиданно мягко произнёс герцог, беря её за тонкую руку.

– Нет, скажи! – упрямо потребовала Шарлин.

Шарлин... Имя, как взбитые сливки – сладкое, воздушное, готовое растаять на языке.

– Вот что случилось! – голос Асманда стал ледяным, полным боли и презрения. – Служанка тайно родила, задушила ребёнка и попыталась избавиться от тела.

– О, боги... Бедняжка... – прошептала Шарлин, прижимая ладонь к губам. Её взгляд наткнулся на мой – и в нём не было осуждения. Только сочувствие.

Я почувствовала, как слёзы навернулись на глаза. Она – первая, кто посмотрел на меня не как на чудовище, а как на человека. И в груди появилась благодарность к этой женщине.

– Я понимаю, что мы ещё не поженились, и я ещё не твоя жена. Я пока ещё невеста и не могу распоряжаться в доме, – продолжала Шарлин, обращаясь к герцогу. Её голос был мягким-мягким, – но... может, она подверглась насилию?

Герцог посмотрел на невесту с нежностью, но лицо осталось каменным. Нежные маленькие ручки цеплялись за его рукав. И сейчас я увидела, как лёд в его глазах немного тает.

– ... или её бросил жених! И у неё не было другого выбора, кроме как... поступить так, как она поступила, – шептала

Шарлин сквозь слёзы.

Даже сейчас, в слезах, она была прекрасна.

– Она, видимо, боялась позора... Боялась лишиться работы... Не надо наказывать её столь жестоко... Да, она совершила ужасный поступок... Но разве нельзя как-нибудь помягче?

Невеста притихла. Потянула его за рукав – жест, полный покорности и мольбы. Они стояли передо мной, словно светлый ангел и чёрный демон.

Герцог смотрел на красавицу с нежностью, но лицо его оставалось суровым.

– Помягче?! – взорвался он, обращаясь ко мне. Голос ударил по стенам, как гром. – У меня пять лет назад умер ребёнок! Он прожил только два месяца! А какое-то отребье в переднике задушила своего ребёнка и решила выбросить его, как мусор! И ты говоришь – «не надо сурово»?!

Невеста притихла, сглотнула, потянула его за рукав. Словно в этом жесте была последняя мольба. Я видела, что он в бешенстве. Его голос страшным эхом ударялся о стены холла. Каждое слово било по нервам.

– В подвал её, – приказал он, так словно ставя точку в разговоре. – Завтра похороните где-нибудь в отбросах.

Глава 1

Похороните.

Слово ударило, как нож в сердце. Это не наказание. Это приговор.

– Прости его! Целуй руку! – шепнул кто-то сзади, толкнув меня в спину.

Сначала я растерялась. А потом поняла, что это не шутки. И не сон! Точно не сон!

Его дыхание стало короче, когда я упала на колени.

И я увидела, как вена на виске пульсировала – не от гнева. От боли, которая вырвалась из-под контроля.

– Прошу вас... не надо... – прошептала я, дрожа всем телом.

Я схватила его правую руку в перчатке и прижала губы к ткани. Я на мгновение увидела перед глазами голубоватую вспышку. Она вспыхнула и тут же померкла. И тут я почувствовала, словно что-то втягиваю в себя.

Губы обожгло, а я судорожно вдохнула, как вдруг увидела, как сквозь перчатку проступает тьма. Она превратилась в жгучий яд, пробираясь по горлу всё дальше и дальше. В тот же миг боль пронзила меня насквозь. Так неожиданно, что у меня перед глазами потемнело.

Он вырвал руку, но пальцы на другой руке судорожно сжались, будто пытаясь удержать то тепло, которое я случайно

принесла.

Потом – резко отвернулся, чтобы я не увидела, как его горло дрогнуло при глотке.

Сквозь боль я почувствовала что-то иное... Словно невидимая волна прошла по моему телу. “Моя!”. Я почувствовала это слово всем телом, хотя оно не прозвучало.

Что это такое?

– Не смей прикасаться ко мне, грязь, – процедил он, и каждое слово дышало ненавистью.

Я отползла назад, дрожа, слёзы замерзали на щеках.

– Дурочка... – шепнул сердобольный женский голос рядом. – Зачем ты схватилась за эту руку? Там же проклятье!

Я обернулась.

Женщина лет сорока, в простом платье, с тёплыми глазами и морщинами улыбки, смотрела на меня с жалостью и страхом.

– Грета! – испуганно и тихо окликнул её дворецкий, а в его глазах паника. – Не лезь! Иначе и тебе достанется... – Ой, не могу смотреть! – заплакала какая-то служанка, пряча лицо в руках, когда с меня рывком содрали шубу и бросили ее на пол.

Двое схватили меня и потащили через весь зал. Я упиралась, вырывалась, скользя ногами по до блеска начищенному полу. Когда передо мной открылась дверь, а оттуда дохнуло тьмой и холодом, я дёрнулась и закричала.

– Я НЕ РОЖАЛА! Я НИКОГО НЕ УБИВАЛА! – пронзи-

тельно закричала я.

– Ах, вот как? Значит, младенец сам завязал себе шею и пошёл гулять по снегу? – усмехнулся герцог.

– Клянусь! Это не мой ребенок! Не мой! Это можно доказать! Я требую справедливости! Позовите любого доктора!

Я крикнула – не ради милосердия, а ради правды. И тогда Асманд остановился.

Не обернулся сразу. Стоял спиной, будто борясь с чем-то внутри. Плечи напряглись, как у зверя, почуявшего запах крови.

“Пожалуйста, услышь меня!”, – молила я про себя, хотя губы уже не шевелились.

В его глазах – не гнев. Не презрение. Усталость. Такая глубокая, что я почувствовала её, как физическую боль в груди.

Он сжал губы в тонкую линию, но бровь над золотым глазом дёрнулась – всего на миг. Как будто часть его хотела поверить мне. А другая – уже приговаривала к смерти.

Глава 2

– Стойте, – выдохнул он.

Одно слово. Тихое. Ледяное. Но в нём не было приговора.

Была борьба. И я вдруг поняла: он не верит мне. Но он боится, что должен.

Мое сердце повисло на волоске, словно ожидая приговора, который сорвется с его губ.

Я услышала позади шаги и обернулась, видя, как он направляется к нам. Бледная как смерть невеста осталась стоять в центре зала.

Я все еще дрожала, чувствуя, как по ногам ползет ледяной холод. Черная бездна, которая начиналась сразу после трех каменных ступеней, пугала меня до судорог.

– Значит так, – отчеканил голос герцога, а я замерла, ловя каждое его слово. – Если ты солгала, то твоя смерть будет еще страшнее.

Я кивнула.

– Позовите доктора. Пусть определит, чей это ребёнок, – произнес герцог, глядя на меня сверху вниз. – Считай это... справедливостью.

Я не поверила.

Он дал мне шанс?

Но потом он посмотрел на меня – и в его глазах не было милосердия.

Дверь со скрипом закрылась, а я обняла себя за плечи. Кто-то из слуг бросился на улицу, пока я стояла и пыталась прийти в себя.

То, что это никакой не сон, я уже поняла. Но как? Как я здесь очутилась? И почему я выгляжу по-другому? Что у меня с лицом? Что с волосами? Почему они такие длинные?

Каждая секунда казалась вечностью. Я стояла, понимая, что правда на моей стороне. Я – не мать ребенка. И я уверена, что доктор это быстро поймет.

Меня потащили в комнату. Я чувствовала, как у меня дрожат колени, поэтому, увидев мягкое роскошное кресло, решила сесть в него. «Встань! Встань!» – снова сдавленно и испуганно зашептала та самая Грета, а я не понимала. Почему я не могу посидеть в кресле?

– Это что еще за новости? – послышался голос герцога. – Кто разрешал тебе садиться в кресло? Эти кресла для хозяев. Знай свое место!

Я встала, чувствуя, как в глубине души ворочается ком обиды. «Кресла для хозяев!» Как неприятно, стыдно и обидно.

Только сейчас я поняла, что все слуги стояли. Невеста герцога присела в кресло, а герцог встал рядом, глядя на пламя камина.

– Доктор сейчас будет! – послышался голос.

– Ждем, – отрезал герцог, а я чувствовала, что у меня горят щеки и дрожат колени. На столике лежал мертвый мла-

денец, а мне было страшно на него смотреть. Такой крошечный, такой куклениш...

Я любила детей. Наверное, поэтому решила стать медсестрой в детском отделении. И дети меня любили. «Всё, теперь заживет!» – улыбалась, целуя бинт на руке. «Быстро-быстро! Вот увидишь!»

Сердце наполнилось теплом, когда я вспомнила, как читала сказки на ночь. «Инга Александровна! Еще!» – просили детские голоса. Ведь ребенку в холодных чужих больничных стенах нужна капелька тепла. Надо мной смеялись, говорили, что со временем у меня это пройдет, и я буду относиться к детям наплевательски. Но не прошло.

– Господин герцог! – послышался запыхавшийся голос. – Мое почтение! Вызвали? Что-то стряслось?

Глава 3

Седой доктор снял заснеженный цилиндр и вручил его дворецкому вместе с черным плащом. Он поставил коричневый потертый саквояж на пол.

– Мне нужно, чтобы ты определил, чей это ребенок, – слышался голос герцога. Он посмотрел на слуг. – Мужчины могут покинуть комнату. Соберите всех женщин-служанок. Всех до единой.

– Н-да, – шумно вздохнул доктор, подходя к столу. Он ничего не сказал, а лишь покачал головой.

– Доктор, – слышался мягкий голос невесты герцога. Старый доктор обернулся. – Вы бы не могли потом осмотреть меня? Эта проклятая мигрень мучает меня уже который день...

– Конечно, – кивнул он, улыбаясь.

– О, благодарю вас, – прошептала она, беря доктора за руку. Мне показалось, или на долю секунды ее пальцы вспыхнули каким-то золотистым светом. – Вы так добры...

Я обернулась, слыша, как в комнату спешат служанки. Стук их ботинок отдавался гулким эхом, а они все покорно выстроились в ряд, опустив головы. Я посмотрела на свое платье и поняла, что все здесь ходят в одинаковом.

Доктор щелкнул саквояжем и достал какое-то украшение. Сначала я подумала, что он хочет подарить его будущей гер-

цогине, но старик подошел к ребенку и опустил украшение на него.

– Угу, – вздохнул он, поднимая взгляд на нас.

Я стояла, расправив плечи, видя, как он спешит к нам. Стук его ботинок отдавался от пола. В его руке был светящийся кристалл, который он прикладывал поочередно к каждой.

– Нет... нет, – произносил он, двигаясь дальше и присматриваясь к кристаллу после каждого прикосновения, словно к градуснику, но только на свет.

– Не она, – выдохнул он моей соседке Грете.

Остановившись возле меня, он приложил кристалл к моей руке. Я смотрела, что внутри кристалла, словно клубится какой-то дым. Точно такой же, как и у других. Он никак не поменялся.

Старик внимательно посмотрел на свет, а потом повернулся к герцогу.

Асманд стоял у камина, я видела, как пламя отражалось в его золотом глазу. А в сером – ничего. Только пустота и холод. Но я знала: такой взгляд бывает у тех, кто давно перестал верить в чудеса. И всё же... когда он смотрел на младенца, его пальцы сжались так, что костяшки побелели. Это не было лицемерием. Это была боль.

– Она! – громко произнес доктор, указывая пальцем на меня. От неожиданности я резко подняла голову, с удивлением глядя на доктора. – Она – мать ребенка!

– Да быть такого не может! – закричала я в отчаянии. – Это шарлатанство! Может, хотя бы под юбкой посмотрит! Там явно видно, были ли роды недавно или нет!

– Мисс, вы с ума сошли! – ужаснулся доктор, видя, как я задираю юбку. – А ну опустите ее обратно! Это же верх бесстыдства! Магия нужна для того, чтобы не смущать женщину такими... такими... бесстыжими осмотрами!

– Хорошо, – прошептала я, понимая, что сдаваться я не собираюсь. – Как вы тогда объясните, что я бегаю, хотя ребенку от силы несколько часов? А? Я должна лежать лежнем! Или ходить по стеночке!

– Мисс, я прошу вас не кричать, – произнес доктор так, словно я плюнула ему в душу. – Это во-первых. Во-вторых. Вы – деревенская девушка. По вам видно. Вы крепкая, здоровая, молодая! Поэтому я не удивлен тому, что вы ведете себя довольно бодро! Будь вы утонченной изнеженной аристократкой, я бы еще мог подумать.

“Короче, на мне пахать можно!” – мысленно подытожила я, сжимая кулаки от злости.

– Вот мать ребенка! – вздохнул доктор. – Что-то еще? Я могу приступить к осмотру госпожи?

Глава 4

– Нет! – настаивала я. – Я требую полный осмотр!

– Я использую Камень Родства из Королевской Палаты. Его подлинность заверена Собором Артефактов. Если он указывает на вас, значит, так оно и есть! Этот артефакт никогда не ошибается! – авторитетно заявил доктор, тут же разворачиваясь в сторону Шарлин.

– Да, конечно, вы можете ее осмотреть, – ледяным голосом произнес герцог. Он смотрел на меня как коршун на мышь. – Все могут быть свободны. Кроме тебя.

Повторять дважды не пришлось. Все, включая Гретту, поспешили на выход.

– Ты еще и врешь, – заметил герцог так, словно выплюнул эти слова. – Маленькая лживая тварь.

Я ненавидела взгляд герцога. Но ещё больше – то, как мои колени дрожали не от холода, а от одного его вздоха. Это было предательством. Моё собственное тело выбрало сторону врага.

Он резко поднял голову. Я ожидала удара. Ожидала, что он схватит меня за горло, как делают в фильмах. Но вместо этого он отвернулся. И в этом жесте было больше боли, чем в любом крике. Потому что он хотел поверить. И ненавидел себя за это.

Мгновенье он молчал. И это мгновенье показалось мне

вечностью.

– Бросьте ее в подвал. Пусть сдохнет там! А ребенка закопайте! – наконец произнес герцог, на мгновение задержав взгляд на мне.

Голос герцога был тихим и страшным.

Это было его окончательное решение.

Одно слово, как печать на приговоре.

Отдав распоряжения, он направился к невесте, которой доктор измерял пульс. Слово черная тень он навис над нами, а меня дернули, выводя из комнаты.

Я упиралась, брыкалась, кричала, но дверь открылась, и меня толкнули в темноту. Я помню, как оступилась, как покатила вниз по лестнице. Последней испуганной мыслью было то, что я себе что-то сломаю.

Очнулась я лежа на ледяном полу. От холода я даже думать не могла. Он был таким сильным, что меня затрясло. И тут, когда глаза привыкли к полумраку, я увидела нечто странное... Что-то вдруг коснулось моей ноги. Большое, пушистое...

Отлично. Подвал, крысы размером с таксу и я – без туфель. Ну конечно, это не ад, это просто “новый опыт”. Спасибо, судьба, ты всегда знаешь, как сделать мой день особенным!

– А! – дернулась я, слыша писклявые голоса крыс.

Крысы. Они смотрели на меня. Огромные, размером с кошку. Одна из них пыталась прогрызть мешок, на котором си-

дела, но магическая вспышка отбросила ее в сторону.

Внезапно я почувствовала, как на меня что-то прыгнуло, цепляясь когтями. С диким, почти животным визгом я резко содрала крысиную тушку и бросила ее прочь.

Я почувствовала укусы на ногах. И тут же задергалась, пытаясь скинуть с себя крыс. Но они уже лезли по переднику, по платью. Я дергалась, отрывала их от себя, швыряла, пищала от боли и ужаса, а крысы все прибывали и прибывали.

В панике я завертелась на месте, пытаясь лихорадочно сообразить, что делать!

Глава 5. Дракон

Я слышал, как её уводили.

Не шаги – крик. Пронзительный, обнаженный, отчаянный.

Он ударил в спину, когда я стоял у камина, лицом к огню, спиной – ко всему остальному. К миру. К боли. К надежде, которая снова подняла голову, несмотря на приказы разума.

Не мольба. Не плач.

Отчаяние, вырванное из груди вместе с дыханием.

«Я НЕ РОЖАЛА!» – звенело в ушах, даже когда дверь захлопнулась и коридор проглотил эхо.

Шарлин вздохнула – тихо, с облегчением. Она сидела в кресле, прижимая к вискам ладони, будто боль всё ещё точила череп изнутри. Доктор складывал бумаги, звенел склянками. Его перо скрипело, как когти по стеклу.

Доктор сворачивал свой саквояж, давал рекомендации, указывал на флаконы.

– Лаванда, белый шиповник, капли лунной росы... – бормотал он, завязывая пузырёк в шёлковый мешочек. – Не пейте чай. Он может усилить боль. Ни капли стресса. Вы – сосуд, госпожа. Сосуд для будущего наследника. Поэтому пора уже сейчас задумываться о его здоровье.

Пальцы Шарлин теребили край платка, но в глазах – ни слёз, ни страха. Только усталость. Тонкая, изящная уста-

лость аристократки, привыкшей прятать всё под шелком и кружевом.

Не нравилась мне ее болезненность. Не нравилась мне ее бледность. Сможет ли она выдержать проклятье? Сможет ли ее магия подавить его?

Может, она справится.

Эта мысль была опасной. Как спичка в пороховом погребе. Но я позволял ей гореть.

Левая рука – та, что в перчатке – висела неподвижно, будто боясь потревожить рану. Пальцы время от времени сжимались, как будто он пытался удержать внутри то, что рвалось наружу. Иногда я слегка наклонялся вперёд – не от усталости, а потому что боль в плече становилась острой, почти невыносимой. Но я никогда не позволял себе согнуться полностью. Гордость была моей последней бронёй.

– Лекарство нужно принимать трижды в день, – говорил доктор, щелкая застежками саквояжа. – И ни в коем случае не выходить на сквозняк. Ваша магия... она чувствительна к холоду.

Шарлин принадлежала к древнему роду Эйленов. Род обеднел за последние триста лет, потеряв былое величие. Замки проданы, земли поделены между многочисленными наследниками, состояние промотано и потрачено.

Но это было не важно.

Но кровь... Кровь хранила силу. В ее жилах текла древняя магия, способная спасти мой род.

Дворецкий вошёл бесшумно. Только легкое, раздражающее покашливание и шелест одежды.

– Господин... позвольте забрать его. Похороним до рассвета. В тихом месте. Как вы просили, – слышался тихий голос, а я посмотрел на сверток на столе.

Я кивнул. Один взгляд на мертвого ребенка вызывал у меня воспоминания, которых я не хотел. Я всеми силами пытался вычеркнуть их из памяти, глядя на Шарлин. Нужно думать о будущем!

Он бережно, с каким-то трепетным почтением взял мёртвого младенца в белой ткани. Его лицо было каменным, но руки дрожали.

Он поклонился Шарлин, потом мне – и вышел, не издав ни звука. Словно пытаюсь осторожно стереть следы преступления, как стирает платком пылинки на камине.

Шарлин встала. Все еще бледная, все еще слабая.

– Я... отдохну, – прошептала она.

Голос – мягкий, как шелк. Но в нем не было вопроса. Только право уйти.

Я проводил ее взглядом. Платье шуршало, как осенние листья под ногами. Она не оглянулась. И я был благодарен за это.

Когда дверь закрылась, я остался один.

Тишина в гостиной стала плотной, густой, давящей. Огонь в камине потрескивал, выбрасывая искры, похожие на магию. Я подошел к окну. За стеклом снег падал медленно, по-

что торжественно – будто небо хоронило кого-то.

И тогда в памяти вернулось то зимнее утро.

Я проснулся от крика. Не человеческого. Животного. Кормилица стояла в дверях, вся в слезах, растрепанная, задыхающаяся.

– Господин... – выдохнула она. – Он... он стал чёрным...

Глава 6. Дракон

Я бросился к колыбели.

И увидел.

Маленькое тельце, покрытое чёрной сетью – как корни, вросшие в кожу. Малыш лежал неподвижно. Весь чёрный. Не от синяков. От тени. Она покрывала его, как паутина, проникала в рот, в ноздри, в глаза.

Я опустил на колени. Вцепился в край колыбели так, что дерево треснуло.

Я помню, как однажды утром он улыбнулся – впервые.

Маленькие дёсны, ещё без зубов, и пузырьки слюны на губах. А через три дня – чёрная паутина на щеках и тишина, где было дыхание.

– Господин... – слышал я голоса сквозь вату. – Нужно его похоронить... Прошу вас, сжальтесь над малюткой. Отдайте его для похорон...

Но я не мог.

Я сидел на полу, прижав его к груди, хотя знал – он уже холодный. Мёртвый. А я всё ещё чувствовал его сердце. Или, может, своё – бьющееся в такт пустоте.

– Госпоже стало хуже... – доносилось сквозь туман. – Чёрное пятно на груди стало ещё больше...

Моя жена. Первая. Тихая, сдержанная, с глазами цвета дождя. Она не любила меня. Но приняла брак – ради союза,

ради долга. И попыталась спасти сына своей магией.

– Он там будет один... Беззащитный... – шептали мои губы. Я не помню, говорил ли я это вслух или только думал.

Прошло ли день? Неделя? Я не знал.

Пока дворецкий не вошёл снова, с лицом, будто высеченным из камня:

– Уже не один, господин. Он будет там с матушкой... Она скончалась сегодня утром.

Я поднял голову.

В окне застыл закат – алый, как рана.

Я помню момент, когда тяжёлая плита закрыла лицо жены.

Она была бледной. Спокойной. Умиротворенной. Руки сложены, как на портрете. И они обнимали свёрток. Дорогие пелёнки, лучший шёлк, монограмма золотом. И цветы. Много цветов.

Я не любил её. Но уважал.

Она приняла мой дом, моё проклятие, мою боль – и не сбежала.

Даже когда поняла, что её магия – ничто против тьмы, что живёт во мне.

– Скорее всего, её магия оказалась очень слабой, – сказал тогда доктор, поправляя очки. – Вам стоит поискать невесту с очень сильной магией. Не просто с сильной – с очень сильной. Присмотритесь к древним магическим родам. Приданое для вас не имеет значения. Вы богаты. Внешность – во-

прос второстепенный.

Я подошёл к окну. За стеклом – метель. Белая, безжалостная.

Где-то внизу, в подвале, она, наверное, уже мертва.

Мне должно быть всё равно.

Но пальцы сами сжались в кулак.

Я снял перчатку, глядя на серую кожу, на чёрные вены, которые словно узор смерти покрывали мою руку, как вдруг я заметил нечто странное на тыльной стороне руки. Словно маленький островок жизни посреди океана смерти.

Я прикоснулся к этому островку, впервые не чувствуя боли.

«Прошу вас... не надо!» – пронеслось в голове, я вспомнил, как служанка стояла на коленях и прижималась губами к моей руке.

Когда Шарлин касалась моего рукава, её пальцы были холодны, как стекло. А та... та, что целовала перчатку – оставила после себя жар. Не магию. Жар. Как будто её дыхание обожгло ткань и коснулось кожи под ней.

Ещё тогда я почувствовал странное, словно боль на мгновение отступила. Но тогда я думал, что это просто гнев затмевает разум.

Но сейчас я видел то, чего не чаял увидеть никогда. Если она может исцелять... Даже если есть призрачный шанс, что она может обладать скрытым даром... Я должен её достать оттуда и проверить!

Если ещё не поздно.

Глава 7. Дракон

Я выскочил за дверь с криком: «Дворецкий! Быстро сюда!».

Дворецкий сломя голову бежал через весь зал.

– Быстро достаньте ее из подвала! – закричал я.

На крик сбежались слуги. Они толпились вокруг двери, словно боясь в нее войти. Дворецкий открыл дверь магическим ключом.

– Доставайте! – закричал я.

Но никто не шагнул в темноту.

– Господин, я всё понимаю, но... – начал было дворецкий, а для меня промедление было равносильно смерти. А вдруг она уже не дышит? Вдруг она умерла? Вдруг эти проклятые крысы ее съели?

– ...Это же необычные крысы, – прошептал дворецкий, словно пытаясь оправдать свою трусость. – Это крысы вашего дедушки. Магические крысы... Бессмертные... Они... они очень опасны и...

– Но вы же как-то достаете оттуда тела? – зарычал я, вспоминая жутких крыс, которые раньше охраняли сокровищницу.

– Господин, – прошептал дворецкий, опуская глаза. – Мы не достаем оттуда тела. Крысы вашего дедушки съедают всё подчистую!

Я почувствовал, как эти слова пронзили меня насквозь. Словно вспышки воспоминания.

«Смотри, что они могут!» – послышался голос отца в голове. Он бросил туда ногу барана. Послышался жуткий писк. А потом магический свет высветил пустоту.

«Все великие изобретения делаются случайно!» – заметил отец. – «Вот тебе еще одна случайность!».

«А они могут выбраться?» – послышался мой собственный голос.

«Нет! Тут на стенах нарисованы знаки. Магические ограничения. Можешь спать спокойно. Они никуда не выйдут из подвала!»

– Боюсь, что даже доставать здесь нечего! – послышался грустный голос дворецкого.

Я сглотнул и собрался броситься в темноту. Я не бежал за ней ради справедливости.

Я бежал, потому что впервые за пять лет почувствовал – проклятие боится чего-то. Но чего, я так и не понял.

– Вот, господин! – послышался запыхавшийся голос. Одна из горничных несла окорок. – Бросьте им! И у вас будет время! Немного, но будет!

Я бросил окорок, слыша возню и беготню мелких лапок. И глаза. Десятки маленьких хищных глаз, отражающих свет холла.

Бросившись вниз по ступеням, я на ходу наколдовал свет. Ступени были скользкими от крови. Не свежей – старой, за-

сохшей, впитавшейся в камень за годы.

Мой заклинательный огонь осветил помещение и магические печати на стенах.

Старые артефакты в мешках и ящиках стояли вдоль стен. Крысы отлетали от заколдованных мешков, толпились, насыпали друг на друга и терзали окорок. Из подвала пахло гниющей шерстью и медью.

Внизу – не писк, а хор: сотни голосов, сливающихся в песнь пиршества.

Ее нигде не было. Ни следов. Только кровь на каменном полу.

Глава 8

Я не помню, как это произошло.

Я помню, что скидывала крыс, топтала их, но они лезли и лезли. А потом меня уронили, и я поняла, что это конец.

Они кусали, рвали, шевелились на мне, как живая масса. Я хотела кричать, но уже не могла, защищая лицо руками. Даже если бы я визжала, кто услышит? Кто придет, если меня обрекли на смерть? Крыс это точно не отпугнет!

Я чуяла запах собственной крови – сладковатый, металлический. Крысы любили его. Они лихорадочно нюхали воздух, как будто знали: скоро я перестану быть живой. Стану просто едой.

Я потянулась рукой и нащупала мешковину. Вспышка памяти. Я видела, как крысы отлетают от мешка. Может, это мое спасение?

Встав на четвереньки и чувствуя, как крысы путаются в волосах. Сердце билось где-то в горле, перехватывая дыхание. Руки онемели, пальцы стали чужими – будто деревянные палочки, которыми я отбивалась от смерти.

Превозмогая ужас, панику и боль, я вытряхивала из мешка колбы. Все это звенело по полу, разбивалось, хрустело под коленями, ломалось. Но я знала, что это мой шанс. Я заползла в мешок, пахнувший затхлостью времен и сыростью, прижимая израненные ноги к груди. Наступив на горлышко

мешка, я сумела перевести дух. Крысы прыгали и отлетали от мешка. Сначала много. А потом только самые упрямые. И самые голодные.

Мешок пах затхлостью, но внутри было тихо – как в матке. Как будто мир решил, что я недостойна родиться второй раз, но всё же дал мне эту паузу. Этот последний вздох перед вечностью.

Наконец-то я смогла выдохнуть. Но я все еще была в опасности.

Холод.

Холод пронизывал меня до кости, а я дышала на свои руки, чувствуя, что это на секунду, на доли секунды согревает пальцы.

На руке была рана. Она болела. И я прижала ее к губам, как вдруг увидела вспышку голубоватого света перед глазами. И тут же почувствовала боль внутри. Словно я забрала эту боль из раны.

О, лучше бы я этого не делала. У меня закружилась голова, но...

...боль прошла. Остался только вкус крови на губах. Я потрогала место раны, с удивлением обнаружив, что она затянулась, словно ей уже несколько дней.

Постепенно боль внутри прошла, а я смогла выдохнуть с облегчением. Как интересно! Впервые вижу такое, хотя... Нет! Не впервые!

Странно... «Мама, поцелуй вавку!» – слышала я свой го-

лос.

Я знала, что в маминых поцелуях крылась магия. Стоило ей поцеловать больную коленку, как она тут же переставала болеть. Или я так думала. Но как объяснить вот это?

Глава 9

Время тянулось долго, а я думала о том, что вряд ли меня отсюда достанут живой? Тогда к чему все эти попытки спастись? Может, это только попытка продлить агонию?

Я чувствовала, как секунды растянулись в вечность. Ледяную вечность... Я считала удары сердца. Один... два... три... На потом перестала. Потому что поняла: если я доживу до тысячи, никто не придёт. А если умру на девяносто девятом – никто не заметит.

Я чувствовала, что ноги почти ничего не чувствуют. Настолько они замёрзли.

Холод уже не просто пронизывал – он въедался в кости, как ржавчина в железо. Каждый выдох оставлял на губах корку льда, будто дыхание моё тоже замерзло, отказываясь служить мне.

Кожа на ногах горела от укусов, но вскоре даже боль исчезла – заменилась тупым покалыванием, будто там уже не было меня, а только плоть, которую грызли чужие зубы.

«Смерть от переохлаждения – одна из распространённых причин гибели заблудившихся в лесу! Даже летом!» – слышала я отголоски памяти.

Лекция в мединституте, в котором я так и не доучилась из-за банальной нехватки денег. Недоврач, но медсестра.

Я вспомнила Лину Викторовну. Врача. Тупая, как проб-

ка. Вечно с улыбочкой, вечно сюсюкающая, вечно милая. Одна рука что-то выписывает, вторая гуглит симптомы и назначения. Её телефон лежит в ящике стола, чтобы пациент не видел.

Меня передергивало от омерзения, зависти и раздражения.

Меня брала такая обида. Ведь у неё хватило денег доучиться. Ещё бы, её отец – какая-то важная шишка в медицине.

Несправедливость окружала меня всегда.

Она доучилась. А я – нет. И теперь я умру здесь, в грязи, с кровавой коростой в волосах, а она будет щёлкать ручкой по истории болезни, не зная, что где-то во тьме кто-то умирал, цепляясь за её лицо, как за призрак нормальной жизни.

Мне было легче от воспоминаний. Казалось, что они пахнут очередной кружкой наскоро заваренного кофе, лекарствами, которые мне сейчас нужны, теплом батарей, санитарным листком с отметками о температурном режиме, графиками уборки, хлоркой, въевшейся в коридор, гулким эхом шагов, гроыханием ведра с надписью «Полы».

Казалось, я снова там, дома, в безопасности.

Мне вдруг жутко захотелось спать. Прямо отрубало, словно под конец рабочей смены. Я трясла головой, понимая, что как только усну, умру.

Я боролась как могла, пела себе песенки тихо-тихо, вспоминала лучшие моменты жизни. Один раз я испугалась, по-

нимая, что сплю. Мозг испугался, что я тут же проснулась и открыла глаза.

Несколько минут я посидела на адреналине, а потом меня снова стало неумолимо клонить в сон.

Мне показалось, что рядом сидит покойная мама. Она гладит меня по голове и говорит: «Спи, моя хорошая... Всё прошло». Я почти поверила.

Всё. Это конец.

Это была последняя мысль, которую я захотела запомнить.

Остальное – уже не моё.

Глава 10. Дракон

Я знал, что опоздал.

Это было очевидно.

Это понимание ударило не в сердце – оно давно перестало биться так, как у живых. Оно ударило в кости, в пальцы, в горло, где застрял ком, похожий на обугленный уголь.

Я стоял посреди подвала, и мой огонь, обычно жгучий, как месть, сегодня показался мне жалкой искрой перед лицом вечной тьмы.

Крысы разбежались от моего выдоха – шипя, вспыхивая, как сухие листья в костре.

Но уже через миг их тела снова сжимались в плотные пушистые комки. Шрамы на шкурах затягивались, будто время здесь текло задом наперёд. Бессмертные твари деда. Его «пушистые стражи». Его извращённое магическое наследство.

Я смотрел на пол. На пятна крови – не свежей, а старой, почти чёрной, вьёвшейся в камень, как память о других, кто тоже кричал здесь, пока не стал тишиной.

И тогда я вспомнил её руку.

Тонкую. Дрожащую. Прижатую к моей перчатке.

И тот миг – короткий, как вздох, – когда боль внутри меня отступила. Не исчезла. Не рассеялась. Просто... отпрянула, будто испугавшись чего-то в ней. В её прикосновении. В её дыхании. В её слезах, которые замерзли на щеках, но всё

ещё были тёплыми внутри.

Никто не мог этого. Ни маги с их заклинаниями, ни целители с травами, ни даже древние артефакты, запертые в сундуках под тройными печатями. А она – просто поцеловала ткань. И проклятье отступило.

Судьба словно посмеялась надо мной, сделав так, что я заметил это уже после того, как отдал приказ.

Если бы я просто приказал запереть её в чулане. В гостевой комнате. Даже в конюшне. Где угодно, только не здесь.

Но нет. Я выбрал подвал. Потому что подвал – это не тюрьма. Это последнее слово. Это когда правда уже не важна, потому что ты решил: всё, что вышло из-под контроля, должно исчезнуть.

Я опустил голову. Воздух пах плесенью, медью и чем-то сладковатым – запахом разложения, приторным, как дешёвые духи на старушке-покойнице. Мои пальцы сжались в кулаки. Под кожей проступили вены – чёрные, как корни мёртвого дерева.

И тогда – движение.

Едва уловимое. В углу. У стены, где лежал старый мешок из грубой мешковины. Тот самый, что хранил алхимические колбы. Я подумал – крысы. Наверное, прячутся. Может, нашли кусок мяса.

Я уже собрался выдохнуть пламя – не из ярости, а из усталости. Чтобы покончить с этим. Хотя знал, что этих крыс ничто не убьёт.

Но в этот момент – стон.

Тихий. Хриплый. Человеческий.

Не писк. Не вой. Не мольба. Просто звук – как последний вздох умирающего костра.

Я бросился туда, не думая. Не чувствуя. Просто двигаясь, как тень, которой некуда больше бежать.

Рванул мешок за край – и из тьмы вывалилась рука. Один ноготь был сломан. Кровь под ним – свежая. Значит, она боролась. До конца.

Бледная. В ссадинах. С кровью под ногтями. Пальцы были сведены судорогой, будто до последнего цеплялись за жизнь. На запястье – следы укусов. Глубокие. Сырые.

Я схватил мешок и бросился по ступеням вверх. Запах был тот же, что и в колыбели сына. Сладковатый, липкий, как мед на гниющей ране. Я тогда думал – это магия. Оказалось, так пахнет смерть.

Глава 11. Дракон

Там уже столпились слуги. Они ждали. Переживали, взволнованно перешептывались. Одна горничная взмахнула рукой, прижимая ее к губам, а потом к сердцу. Древний крестьянский знак служения каким-то там добрым богам, которых они придумали себе для того, чтобы сносить тяготы жизни. Другая – сжала кулак. Третья – отвернулась. Все знали: герцог никогда не носил никого на руках.

Я вынес её из подвала, как выносят мёртвых – не держа за руку, а прижав к груди, будто боясь, что ветер унесёт то, что осталось. Её голова безвольно запрокинулась, щека коснулась моей груди, и я почувствовал – не тепло, нет. Холод. Но не тот, что приходит после смерти. Этот был живым. Дрожащим. Упрямым.

Она дышала.

Тонко. Неровно. Словно ее дыхание вот-вот оборвется.

Я смотрел на нее, как смотрят на последнюю глупую надежду.

Разумом я понимал, что должен был отдать её слугам. Что не положено герцогу нести грязную служанку, как невесту.

Но мои руки не слушались.

Это не желание. Это зов крови. Драконы не выбирают. Они узнают. А я... Я узнал её с первого вздоха. Истинная.

А потом – запах. Не пота. Не крови. А чего-то мягкого,

почти цветочного, скрытого под страхом. И этот запах... заставил меня вспомнить, что я мужчина.

Не чудовище. Не проклятый. А мужчина, который пять лет не касался женщины.

В коридоре слуги замерли. Потом опомнились и расступились. Не от страха – от изумления. Никто не ожидал увидеть ее живой.

– Быстро! – рявкнул я, не останавливаясь. – Комнату. Горячая вода. Чистое бельё. И принеси старую шерстяную накидку. Не новую. Старую. Она не должна чувствовать себя гостьей.

Но в то же время я цеплялся за надежду.

А вдруг она и правда может исцелять?

Бывает же такое, чтобы у простолюдинов, вопреки всем законам природы, проснулся магический дар?

Конечно, это бывает редко, но бывает.

Может, среди ее предков был какой-то аристократ, решивший, что его жена вдруг стала скучной и старой, а молодая горничная выглядит соблазнительно?

От этой мысли я почувствовал приступ ярости. Мои пальцы сжались до боли.

Я вспомнил свое счастливое детство. Любящая мама, любящий отец. И она. Как гром среди ясного неба. Милая, улыбчивая, молодая. В синей форме горничной. Одна из десятка в огромном доме. И... Единственная для моего отца.

Глава 12. Дракон

Я помнил, как отец сказал: «Ты ничего не понимаешь, Милена. Она – моя истинная. Это... Это не любовь... Не игра... Это... Это то, что заложено в каждом драконе!».

Мама плакала. Я никогда не видел столько слез на ее красивом лице.

«А что теперь с нами? Со мной? С Асмандом?» – слышал я ее дрожащий голос.

«Я пришел попросить развод. Я дам тебе всё, что ты хочешь, сколько хочешь денег. Я готов содержать тебя до конца твоих дней! Тебя и твоего... кого ты там себе выберешь! Только дай мне развод! Сын останется со мной. Но я не буду запрещать ему приезжать к тебе!».

И тут страшный крик мамы: «Нет!».

«Ты не понимаешь. Я люблю тебя... Люблю... Это твое предательство... Оно... Оно как нож в сердце! Так больно... Больно...».

Как она плакала. Мне казалось, что у нее разорвется сердце.

«Я не могу дать тебе того, о чем ты просишь! Я не могу!» – в голосе отца горечь. – «Но я глубоко уважаю тебя, Милена. Ты подарила мне наследника. Ты... Ты была моим другом...».

«Прекрати! Не смей! Не смей так говорить!» – голос мамы

сорвался на визг.

О, если бы я знал, чем это обернется.

Я ненавижу слуг. Я не считаю их за людей. Может, кто-то из хозяев и носится с ними, знает их по именам, дарит подарки, разговаривает. Но я ненавижу их всех. До единого. Для меня они – крысы, почти такие же, как в том подвале. Они так и норуют, чтобы утащить что-то из дома, рассорить хозяев, подслушать как можно больше, разнести это сплетнями, как заразу.

Но некоторые из них разрушают семьи.

Я не верю в Истинных. Я верю в отцовскую блажь, в то, что ему просто захотелось чего-то новенького, свежего. А он прикрыл все это древними инстинктами! Как удобно! Зато я верю в предательство.

И в то, что каждая горничная, каждая служанка в этом доме – её тень. Тень разлучницы, которая разрушила все. В том числе и мою жизнь.

Что отцу стоило сохранить семью? Что ему стоило не поддаться искушению? Но нет! Он ему поддался! И мало того, что об этом гудел весь дом, так еще он вознамерился жениться на своей «Истинной», выгнав маму из дома и лишив меня мамы.

Два лакея поспешили и приняли ее из моих рук. Они несли ее по коридору в комнату. Я шёл следом, не отводя взгляда. На её плече – кровь, смешанная с грязью и чем-то серым... Пухом? Нет. Шерстью крыс. Волосы спутаны, в них

– засохшие потеки крови. На ногах – рваные чулки, кожа покрыта царапинами и глубокими ранами. Туфель не было. Только разорванное платье.

«Она не выживет!» – пронеслось в голове, когда я видел ее бледное лицо. Помучается и сдохнет.

Я должен был просто развернуться и уйти, но я шел за ней. словно выискивая в ее бледном лице проблески надежды или первые признаки смерти.

– Разденьте её, – сказала одна из горничных, разогревая полотенца у камина. – Медленно. Осторожно.

В комнате было тепло. Не жарко.

Я не должен был оставаться.

Но не ушёл. Что-то странное происходило со мной, когда мой взгляд скользил по ее обнаженному телу. Сердце билось все быстрее и громче. Я чувствовал, как внутри нарастает жар. Я выдохнул жаром, боясь, что сейчас что-нибудь подожгу.

Когда она всхлипнула, я почувствовал, как под кожей зашевелилась чешуя. Не от ярости. От голода. От чего-то древнего, что не слушало разум.

Глава 13. Дракон

Мне незачем смотреть, как с ней возятся. Она – просто служанка. Пусть даже с редким даром. Но я не мог заставить себя уйти.

Почему она жива?

Почему она дышит?

Почему я хочу прикоснуться – не перчаткой, а кожей?

Дракон внутри жадно смотрел на изгиб ее талии, на тонкую руку, на пересохшие, бледные, почти полупрозрачные губы.

Я почувствовал, как жар переместился вниз живота, как натянулась ткань штанов, когда она то ли всхлипнула, то ли простонала, все еще находясь в забытьи.

Я представил, как прижимаю её к стене. Как её губы дрожат под моими. Как она шепчет: «Не надо...» – а я отвечаю: «Поздно».

Я сжал челюсти так, что зубы закрипели.

Это был не я. Это был дракон внутри меня.

«Нет!» – с яростью отверг я эту мысль. Я готов был растерзать эту мысль, сжечь ее, испепелить. И забыть о том, что она вообще появилась в моей голове.

Смотрел, как снимают мокрое платье. Как обнажаются синяки, укусы, ссадины. Как одна из служанок всхлипывает, прикрывая рот ладонью.

А я – стоял и смотрел, как с нее стирают кровь. Как полотенце, выжатое над парящей миской, стекает розовым.

Я презирал себя за то, что смотрю. За то, что дышу одним воздухом. За то, что мой дракон ревет внутри, когда она шевелится. Слуги – не люди. Они – пыль. А я... Я не могу отвести глаз от её шеи, где пульсирует жилка, от ее полуоткрытых губ, в которые бережно вливали какой-то настой из трав.

«Умрет!» – пронеслось в голове, а я развернулся и вышел, чтобы не видеть всего этого.

Мои руки могли уничтожить целый город. Но сейчас они дрожали от страха – не причинить ей боль. Даже руками слуг. Не потому что я стал добрым. А потому что я боялся: если я её трону – я больше не смогу остановиться.

Я не хотел уходить, но сделал шаг к двери, словно вырывая из головы эти странные мысли.

Потом еще один. Он дался мне так же тяжело.

Словно что-то притягивало меня к ней, а я... Я противился. Изо всех сил.

Я вернулся в гостиную, чувствуя, как внутри надежда борется с недоверием. Я готовил себя к мысли, что она не переживет эту ночь. Я ждал. Просто ждал, когда войдет слуга и тихо скажет: «Она скончалась...».

Чёрные вены под кожей пульсировали, как живые корни, впиваясь глубже с каждым ударом сердца. Это было не просто жжение – это был голод. Тьма внутри меня требовала плоти, тепла, жизни. Моей жизни. А я годами кормил её

лишь собственной ненавистью.

Осторожно ослабив жесткий ворот, я коснулся пальцами вздувшихся черных вен. Они, словно ветки деревьев, тянулись к моему горлу. Словно боль решила однажды задушить меня.

Дверь тихонько открылась...

Глава 14. Дракон

Я резко повернулся, видя в дверях Шарлин.

– Почему ты не спишь? – прошептала она, двигаясь плавно и медленно.

В пастельном домашнем платье, с платком на плечах, будто только что вышла из постели. Волосы распущены, лицо – бледнее обычного. Глаза – голубые, как утренний иней. В таком виде она не должна была появляться передо мной. Этикет это запрещал.

Я отвернулся. Мне сейчас не хотелось ни с кем разговаривать. Я хотел побыть один. Это – моя тишина.

Я сделал глубокий вдох, пытаюсь подавить нарастающее внутри раздражение. И не выдать его ни голосом. Ни взглядом.

– Асманд... – начала она, и голос её дрожал не от страха, а от чего-то другого. От того, что она была взволнована. – Ты... спас её?

Я повернулся. Не сразу. Словно каждое движение стоило мне усилия.

– Ты просила помягче, – ответил я, глядя ей в глаза. – Я подумал... пусть умрёт не в подвале. А здесь. Где можно хотя бы закрыть ей глаза.

Но в голове звучало другое: «Я не знаю, как быть мягким. Я уже пять лет не чувствую ничего, кроме холода и разди-

рающей боли. Любое, даже малейшее прикосновение к пораженной коже – боль. Взрыв боли. Даже мягкая рубашка, которая касается ее, причиняет ежесекундную боль. Но я к ней привык.

«Мама, мне больно...» – шептал я, видя, как плачет мама, стараясь бережно надеть на меня шелковую рубашечку.

«Я осторожно... Очень осторожно...» – шептала она, а в ее глазах стояли слезы.

А сегодня... сегодня я почувствовал тепло. И оно страшнее боли».

Шарлин кивнула. Медленно. Почти благодарно. Она осторожно присела в кресло, словно боясь нарушить мою тишину. Тихо, почти незаметно, словно пытаюсь слиться со стенами гостиной.

Я посмотрел в ее глаза. Но в них не было радости.

Было что-то другое. Она словно задумалась. И ее мысли ей не нравились.

Её присутствие было как шёлковая петля на шее – мягко, изящно, но неотвратно. Она не нарушала тишину. Она заменяла её. А я не знал, чего хочу больше: чтобы Шарлин ушла... или чтобы та, в комнате, открыла глаза.

Шарлин была прекрасна, как статуя – холодная, неподвижная, созданная для восхищения. А та... та была живой раной. Грязной, кровавой, но пульсирующей. И именно это пугало меня больше всего: я хотел не прикоснуться к статуе. Я хотел залечить рану.

– А ты почему не спишь? – спросил я, глядя на стройную талию своей невесты, стянутую корсетом.

– Голова болит, – прошептала Шарлин.

Я смотрел на нее и представлял ее беременной. Моим ребенком. Она – всего лишь сосуд, который, быть может, однажды я смогу полюбить. – Может, позвать доктора? – спросил я. Я не вкладывал в эти слова ни тревогу, ни учтивость. Да, меня тревожили ее головные боли и болезненный вид. Как бы это не сказалось на наследнике.

Глава 15. Дракон

– Нет-нет, – улыбнулась Шарлин, кладя свою руку поверх моей. – Все в порядке. Я просто посижу здесь и... лягу спать...

Палец Шарлин коснулся моего запястья – и ничего. Ни жара, ни холода. Только вежливая дистанция двух тел, которые умеют притворяться людьми. А та... та оставила после себя след, как будто её губы прошлись не по ткани, а по самой душе – и оставили там царапину, которая болит, но не кровоточит. Болит, как воспоминание о том, каково это – быть живым.

Я не хотел, чтобы она видела, как мои пальцы дрожат. Как под кожей чешуя проступает не от ярости, а от боли.

Шарлин была идеальной: тихая, бледная, без следа страха. Но именно это и резало – она не видела чудовища. А я знал: если бы она увидела, как чёрные вены ползут по моей шее, как кожа трескается, как изнутри меня тошнит тьмой – она бы не сидела так спокойно.

Я встал, словно меня прогоняют с насиженного места. Раздражение внутри плескалось через край: «Неужели в таком огромном поместье не нашлось комнаты, где можно побыть одному?! Зачем нужно было обязательно идти в гостиную?!»

Наверное, я просто привык к одиночеству. Но нет. Я ни-

когда, сколько себя помню, не был одинок. Был я. И была моя боль.

– Прощу меня простить, – улыбнулся я, поцеловав кончики ее холодных пальцев. Ее тонкая рука лежала в моей руке, а я словно взвешивал ее, думая, смогу ли я полюбить эту женщину?

Время покажет.

Я шел по коридору, а ноги сами несли меня в сторону комнаты, которую выделили этой... Я даже не знал ее имени. Просто этой.

Из комнаты вышла служанка, неся тазик с розовой водой. При виде меня она ускорила шаг и опустила глаза.

– Как она? – спросил я, видя ее бледное лицо на подушке. Дракон внутри дернулся, словно желая быть ближе к ней.

– Пока не ясно, – ответила горничная, сидя возле нее и меняя грелку под одеялом.

– Я ничего не могу сказать, господин. Но было бы лучше, если бы вы вызвали доктора. Чтобы он осмотрел ее и дал ей лекарство...

Внезапно глаза ее открылись. Так тяжело, с таким трудом, словно это стоило ей невероятных усилий. Она посмотрела на меня мутным взглядом, а ее обескровленные бледные губы шевельнулись, словно она хотела что-то сказать.

Её взгляд – мутный, почти мёртвый – всё же нашёл мой. И в этот миг дракон внутри зарычал. Не от голода. От желания. Желания обладать этой женщиной.

Дракон внутри зарычал от желания, которое она пробудила.

Я хотел сорвать это проклятое платье. Хотел прижать её к столу и заставить посмотреть мне в глаза, пока я беру то, что принадлежит мне по праву.

Я сжал челюсти, чтобы не выдохнуть пламя. Потому что если это – Истинная связь... значит, я предал не только мать. Я предал самого себя.

«Она убийца!»

Эти слова, словно топор палача, должны были отсечь все ненужные мысли. Но я вдыхал воздух, зная, что она тоже дышит им. Пока что дышит.

– Когда ей станет лучше, выдайте ей новую одежду. И пусть она зайдет ко мне в кабинет, – произнес я, видя, как горничные тут же кивнули.

Глава 16. Дракон

Я остановился в дверях и замер, словно борясь с самим собой. Мои глаза жадно следили за тем, как её грудь вздымалась под тонкой тканью рубашки. Я отчётливо видел две горошины, проступившие сквозь мокрую материю при каждом вдохе.

Медленно. Ритмично. Как будто каждое дыхание – вызов смерти. Вызов мне.

Я смотрел, как одна из служанок осторожно стирает кровь с её шеи. И вдруг почувствовал – не гнев.

Ревность.

Мои пальцы сжались в кулак, словно драконья лапа сжимает ее тело.

«Только мои руки должны касаться этой шеи. Только мой рот имеет право касаться ее губ».

Мысль ударила, как удар кинжала.

И я презирал себя за неё.

– Дайте ей зелья. Ключ у дворецкого, – приказал я, вспоминая шкаф с дорогими зельями, не предназначенными для лечения слуг. – Любые. Какие посчитаете нужными!

Я услышал тишину за спиной. Не страх. Изумление. Потому что никто не давал слугам зелья из моего шкафа. Никогда. Это было не милосердие. Это был первый шаг к падению.

Обернувшись на мгновение, я увидел удивленные лица горничных. Они молчали, но переглядывались странными взглядами.

– Я что, неясно выразился? – с диким раздражением спросил я. – Ключ у дворецкого. Марш за зельями! Живо!

Я вышел из комнаты совершенно разбитый. Семенящей походкой одна из горничных обогнула меня и направилась по коридору.

Надеюсь, что зелья помогут.

– Попробуй только сдохнуть, – прошептал я, вспоминая ее глаза.

Глава 17

Я открыла глаза – и мир не рухнул.

Сначала показалось, что это сон. Тёплый, обманчивый, как те, что снились в подвале, когда я уже почти перестала верить в спасение.

Но под пальцами – грубоватая ткань простыни, пропахшая лавандой и дымом. За окном – тихий шелест снега по стеклу. В комнате – тепло, не жарко, а именно так, как будто кто-то знал, сколько градусов нужно, чтобы оживить замёрзшую кровь...

Я приподнялась на локтях. Мышцы ныли, как после долгой болезни, но не трещали от холода. Руки – целые. Ноги – в садинах, да, но без открытых ран. Даже укусы крыс... затянулись. Не до конца, но достаточно, чтобы не кровоточить.

– Жива, – прошептала я, и голос прозвучал чужим – хриплым, но своим. Не тем, что кричал в подвале. Этим можно говорить. Можно просить. Можно даже лгать. А мне придётся лгать. Ведь я – другой человек. В совершенно другом, я так полагаю, мире.

Дверь скрипнула.

Негромко ступая, словно боясь потревожить мой покой, вошла Грета.

В руках – поднос с чашкой, из которой поднимался пар, пахнувший куриным бульоном, кореньями и чем-то древним,

сладковатым. Её лицо было таким же добрым, как в ту первую минуту, когда она шепнула мне про проклятие. Но теперь в глазах – не только жалость. Удивление. Почти страх.

– Ох! – вырвалось у неё, и поднос дрогнул. Чашка звякнула, бульон плеснул на край. – Я думала... Я думала, ты не выживешь.

Она поставила поднос на тумбу, потом села на край кровати – осторожно, будто боялась, что я упаду в обморок от ее прикосновения. Её пальцы, покрытые мелкими морщинами и мелкими желтыми пятнышками, словно от старых ожогов, легли на мою ладонь. Тепло. Простое, человеческое.

– Спасибо, – прошептала я, глядя на неё. – Спасибо, что спасли меня...

Лицо Греты изменилось. Губы сжались. Она отвела взгляд, будто стыдясь.

– Это не мы спасли, – сказала она тихо. – Это герцог. Сам. Лично. Спустился за тобой.

Я замерла.

– Он... зашёл в подвал?

– Спустился по ступеням, как будто в загробный мир идёт. А потом вынес тебя... на руках. Как мёртвую. Все стояли как вкопанные. Никто не верил глазам.

Я не знала, что сказать. В груди что-то развернулось – не надежда. Облегчение. Он понял. Он всё-таки понял, что я не виновна. И эта мысль согрела сильнее бульона, который, к слову сказать, оказался невероятно вкусным.

– Он ещё приказал дать тебе хозяйские зелья, – добавила Грета, и в её голосе мелькнула зависть – не злая, а горькая, как у человека, который всю жизнь служил, но никогда не был замечен. – Очень дорогие. Слугам такие не дают. Ни разу за двадцать пять лет, что я здесь, – ни разу!

Она вздохнула, поправила складки на переднике.

– Кстати... Ты не помнишь, куда положила ключи от гостевых спален? Генрих ищет их уже час.

Глава 18

– Я... – Я нахмурилась. – Я даже не знаю, кто такой Генрих.

Грета фыркнула, но без злобы.

– Ну ты даёшь! Дворецкий. Худой, как жердь, с лицом, будто проглотил лимон. Хотя... – Она понизила голос, наклонилась ближе. – Я бы на твоём месте тоже предпочла бы многое забыть.

«Это она про ребёнка?» – мелькнуло у меня в голове.

А в руках снова – то самое бессилие. То ощущение, что моё тело не принадлежало мне. Что чей-то шёпот, мягкий, как шёлковая петля, заставлял ноги идти прочь от дома. Прочь от спасения.

– Впрочем, – Грета встала, – одевайся. Герцог желает тебя видеть.

Сердце остановилось.

Не «вызвал». Не «требуется». Желает.

Слово, от которого по коже побежали мурашки – не от страха. От чего-то более тёмного. Более живого.

– Ты помнишь правила дома? – спросила Грета, поднося ко мне ложку с бульоном. Запах куриных костей, имбиря, тимьяна – резкий, почти животный. – Или напомнить?

Я покачала головой. «Не помню!» – прошептала я, поглощая бульон и чувствуя, как он придает мне сил.

– Герцог ненавидит слуг, – сказала она, глядя прямо в глаза. – Поэтому ты должна вести себя так, словно тебя нет. Вот залог долгой службы в этом доме. Никаких топаний. Ходи бесшумно. Мы – мыши.

«Летучие, сэр!» – всплыл в памяти глупый кусочек мультика. Я чуть не улыбнулась.

Немыслимо. Я ещё здесь.

– В глаза ему не смотри, – продолжала Грета, подкладывая мне под спину подушку. – Опустит голову. Взгляд – в пол. «Да, господин». «Нет, господин». Но лучше – просто кивай. Меньше шума – дольше проживёшь.

Она помогла мне надеть платье. То же самое, что было на мне тогда – простое, серое, без украшений. Но свежее. Пахло лавандой, морозной свежестью и солнцем, будто его сушили на дворе, а не в подвале.

– Чулки! – приказала Грета, а я стала раскатывать шерстяной колючий чулок по ноге. Как говорила моя бабушка: колется, значит, тёплый!

Я обула туфли и подошла к зеркалу.

Молодая девушка смотрела на меня. Каштановые волосы, бледная кожа, тёмные круги под глазами – но живые. Глаза – не пустые. В них – страх, да. Но и упрямство. И вопрос.

– Волосы собери! – резко сказала Грета. – Нечего тут ими сверкать! Ты же не хочешь, чтобы хозяин был в гневе!

Она быстро заплела мне косу, туго, без жалости, а потом заколола ее серой шпилькой. Для верности она добавила еще

парочку. Потом отступила, осмотрела с ног до головы.

– Ну всё. Тише воды, ниже травы.

И вдруг – странный жест. Кончики пальцев к губам, потом – к груди. Быстро. Почти незаметно. Словно в этом жесте было что-то для нее важное, ритуальное.

– Да прибудет с тобой богиня, – прошептала она.

Потом взяла меня за локоть и повела по коридору.

Дверь в кабинет герцога приближалась с ужасающей скоростью. А внутри меня всё сжималось – не от страха перед наказанием. От предчувствия: за этой дверью – не суд. А начало чего-то, что я не смогу остановить.

Глава 19

Когда я приблизилась, то сразу почувствовала этот запах – древний, опасный, но манящий.

Дверь открылась бесшумно от неуверенного прикосновения моих дрожащих пальцев.

Я замерла на пороге, пальцы впились в локоть, чтобы не дрожать.

Первое, что я увидела, – старинную мебель с позолотой, вдохнула запах старых книг, старого дерева. За окном метель гнала снег по стеклу, оставляя за собой белые следы, похожие на царапины.

Асманд стоял у окна. Спиной ко мне.

Плечи – широкие, почти нечеловеческие, будто вырезаны из чёрного камня. Руки – одна в перчатке, другая свободно висела, сжатая в кулак.

«Глаза в пол. Молчи. Дыши тише, чем пыль», – вспомнила я наставления Греты.

Но что-то внутри меня, маленькое и упрямое, как заноза под ногтем, царапало изнутри: ты не вещь. Ты не пыль. Ты – человек, который чуть не умер из-за чужого ребенка!

Герцог обернулся.

Медленно. Не резко. Как зверь, который уже знает, что добыча в клетке. Потом – резко, будто его тело решило это за него.

Свет из окна выхватил контуры его лица: ореол идеально расчесанных длинных жестких темных волос, высокие скулы, волевой подбородок, один глаз – золотой, тёплый, как пламя в камине среди метели или чай в прозрачной кружке. Он смотрел на меня с интересом. Второй – серо-голубой, с вертикальным зрачком, будто в нём застыла сама зима. Он смотрел не на меня. Через меня. Как будто я уже была в списке мёртвых.

– Подойди, – хрипло приказал Асманд. И в этом голосе не было ни капли человечности. Только лёд, под которым шевелилось что-то древнее и голодное.

Я подошла немного, но предусмотрительно остановилась в трёх шагах. Достаточно близко, чтобы видеть, как под тканью одежды играют напряжённые мышцы. Достаточно далеко, чтобы не почувствовать его дыхание.

Герцог склонил голову. Не вниз – вбок. Как хищник, оценивающий, стоит ли тратить силы.

– Ты жива, – констатировал он. Не удивлённо. Раздражённо.

Я не могла понять, что его так раздражает, если он сам меня спас?

– Да, – прошептала я.

– Да, господин! – с нажимом произнёс герцог, а я вспомнила, что теперь я всего лишь служанка.

– Да, господин, – выдавила я, и язык прилип к нёбу, будто во рту пересохла вся слюна. Слово «господин» обожгло гор-

ло – не от унижения. От страха. Потому что теперь я знала: он может убить. И спасти. И то, и другое – одним взглядом.

Асманд не двинулся с места. Только чуть наклонил голову, и тогда я увидела под скульптурной линией челюсти чёрные прожилки. Они отчётливо виднелись в белоснежном кружеве расстёгнутого воротника.

Его пальцы сжались, когда мой взгляд скользнул по его руке в перчатке.

В золотом глазу на миг вспыхнуло что-то странное. То, что я почувствовала телом, но не могла осознать разумом.

Герцог сделал шаг. Потом ещё один. Остановился в двух шагах от меня. Я молчала. Во рту стало, как после литра кофе без сахара – горько и пусто. В ушах стучала кровь.

– Сделай то, что ты сделала тогда, в коридоре.

Глава 20

Я нахмурилась. В голове – хаос. Боль. Крик. Подвал. Крысы.

А потом – вспышка. Голубоватый свет. Поцелуй перчатки. И боль внутри, словно я высасываю что-то... Вбираю это в себя, чтобы самой захлебнуться от горечи.

Чёрная ткань сползла с пальцев, обнажая руку.

Не руку, а сущий кошмар!

Кожа – серая, почти мёртвая, покрыта сетью чёрных вен, как корни, вросшие в плоть. Пальцы шевелились, но вяло, словно каждое движение причиняло ему боль, и он стал избегать их. Как будто под этой серой кожей уже давно не было крови – только тень боли.

– Это что такое? – прошептала я, пытаюсь в голове листать свои конспекты. Пока что ничего похожего не попадалось.

«Это что-то очень и очень нехорошее!» – философски заметил внутренний голос.

– Ты думаешь, что заслуживаешь объяснений? – резко спросил герцог, делая шаг ко мне.

Воздух между нами задрожал – не от тепла, а от напряжения, как перед ударом молнии.

– Целуй, – произнёс он. Тихо. Без эмоций. Как приговор.

Слово коснулось меня, как лезвие горла.

Поцеловать? Его? Эту... эту мёртвую руку?

– Что? – вырвалось у меня. Я не смогла проконтролировать свои эмоции, поэтому на моем лице отразилось всё, что я думаю об этой ситуации. – Серьёзно? Это... это за гранью...

Герцог сделал еще один шаг ко мне. Теперь он был так близко, что я почувствовала его тепло – не человеческое, а глущее, как дыхание костра.

– Нет! За гранью твоя дерзость! – резко произнес Асманд, ударив кулаком о стол. С запозданием в несколько миллисекунд внутри меня все подпрыгнуло.

– Хорошо... – Голос герцога снова стал негромким и почти мягким.

Я стояла посреди кабинета, чувствуя, что меня пугает всё. Мне казалось, что одно неверное движение, и он прикажет меня бросить обратно к крысам. Только теперь меня уже ничто не спасет.

– Так и быть... Обычно я не считаю нужным объяснять это слугам. Но тебе...

Его взгляд остановился почему-то на моей груди. Я замерла, стараясь не дышать. Мне почему-то казалось это правильным. Только глазами я следила за тем, как Асманд обходит меня по кругу.

– То, что ты видишь, – произнес он, поднимая свою руку перед моими глазами. И вдруг его голос опустился до мягкого шепота. – Это проклятье...

Я чувствовала в его голосе трещину. Маленькую, едва за-

метную, как скол на стекле.

– Оно не заразно, – произнес герцог, а его разноцветные глаза следили за мной. – В тот момент, когда ты прикоснулась к моей руке, мне показалось, что оно перестало причинять боль. На пару мгновений. И сейчас я хочу это проверить, – мягко прошептал он. – Я предполагаю, что у тебя есть дар. Скрытый... И сейчас я хочу это выяснить...

Я видела, как он подался вперед, словно вдыхая запах моих волос. Как хищник, который обнюхивает жертву.

– Я не уверена, что получится, – прошептала я, чувствуя, как холод поднимается по спине мурашками от этого звериного хищного движения. – Я... я... не знаю ни о каком даре...

– Ты меня не услышала, – снова мягко сказал он, снова вдыхая запах моих волос.

От этого странного жеста внизу живота что-то медленно, тревожно и одновременно приятно стало сжиматься.

Вдох – глубокий, хриплый, как у зверя, что решает: съесть сейчас или оттащить в логово. Я замерла. Потому что поняла: он не вдыхает аромат. Он чует страх. И, возможно, мой дар – как запах крови в воде.

Я сделала нервный вдох, пытаясь едва заметно отклониться. Красота этого мужчины невольно притягивала взгляд. Я не могла понять, что со мной. Что-то внизу живота сжалось еще сильнее и туже. Я незаметно свела колени под юбкой, чтобы не выдать предательского чувства – смеси страха и же-

лания.

– Меня не интересует, уверена ты или нет. Я хочу это проверить. И от этого будет зависеть... – прошептал он, склоняясь ко мне.

Его тихий шепот коснулся моей шеи дыханием. Я закрыла глаза, делая медленный выдох. Но в эту же секунду его голос снова стал ледяным и отчетливым.

– ... оставлю я тебя в живых или нет.

Глава 21

Эти слова застыли в воздухе, а я почувствовала, как страх сжал сердце. Словно прямо сейчас, посреди теплой и уютной комнаты меня настиг холод подвала. Словно в потрескивании и тонком свисте дров я слышала те звуки, которые издают противные, страшные крысы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.